

INSPIRIA

МОРЕ СПОКОЙСТВИЯ

ЭМИЛИ СЕНТ-ДЖОН
МАНДЕЛ

INSPIRIA

Эмили Сент-Джон Мандел

Море спокойствия

Серия «Loft. Современный роман»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68315807

Море спокойствия / Эмили Сент-Джон Мандел ; [перевод с английского

А. Оганяна].: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-177840-8

Аннотация

Меланхоличная сказка о разрушении привычного мира, путешествиях во времени и одиночестве. Многогранный роман от Эмили Сент-Джон Мандел в духе "Облачного Атласа" Дэвида Митчелла.

1912 год. Восемнадцатилетний Эдвин Сент-Эндрю за ужином ссорится с отцом, после чего сбегает в Канаду.

1994 год. Двенадцатилетняя Винсент снимает загадочное видео в лесу недалеко от своего дома.

2020 год. После смерти Винсент, ее брат, ставший композитором, показывает это видео на своем концерте.

2203 год. Писательница Оливия Ллевеллин оставляет мужа и дочь дома, во второй лунной колонии, чтобы отправиться на Землю для книжного тура – она написала роман о пандемии.

Чтобы выяснить, как связаны эти люди и почему они слышат одни и те же звуки скрипки, детектив Гаспери-Жак Робертс

должен отправиться в путешествие во времени. Но что если их реальность – это симуляция?

Содержание

Эмили Сент-Джон Мандел	5
I. Родительское пособие / 1912 год	7
II. Мирэлла и Винсент / 2020 год	37
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Эмили Сент-Джон Мандел

Море спокойствия

Посвящается Касе и Кевину

Emily St. John Mandel

THE SEA OF TRANQUILITY

Copyright © 2022 by Emily St. John Mandel

Перевод с английского *Арама Оганяна*

В оформлении переплета использованы фотографии и иллюстрации: © Kostsov, Blan-k / Shutterstock.com Используются по лицензии от Shutterstock.com

© Оганян А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

I. Родительское пособие / 1912 год

1

Восемнадцатилетний Эдвин Сент-Джон Сент-Эндрю на борту парохода, бороздящего Атлантику, везет груз своей фамилии, отягченной сразу двумя святыми, щурится от ветра на верхней палубе, сжимает поручни руками в перчатках, сгорая от нетерпения, в предвкушении неизвестного, силится разглядеть хоть что-нибудь в море и на небесах, но видит лишь оттенки свинцово-серой бескрайности. Он направляется в новый мир. Сейчас он более или менее на полпути между Англией и Канадой. «Меня отправили в ссылку», – говорит он про себя, зная, что, несмотря на некую высокопарность, в его словах есть доля истины.

Среди предков Эдвина фигурирует Вильгельм Завоеватель. Когда умрет дед Эдвина, его отец станет графом. Эдвин учился в двух лучших школах страны, но в Англии у него нет большого будущего. Найдется очень мало профессий, приличествующих джентльмену, и ни одна из них Эдвина не прельщает. Состояние семьи предназначалось старшему брату Гилберту, так что Эдвин ничего не унаследует. (Средний брат Найл уже в Австралии.) Эдвин мог бы про-

длить свое пребывание в Англии, но его тайные радикальные взгляды, которые стали явными весьма некстати за званым ужином, ускорили его судьбу.

В порыве безудержного оптимизма в графе «род занятий» в судовом манифесте Эдвин написал «фермер». Впоследствии, поразмыслив на палубе, он осознал, что в жизни не держал в руках лопату.

2

В Галифаксе неподалеку от порта он находит пансион, в котором занимает угловую комнату на втором этаже с видом на гавань. В первое утро он просыпается и из окна его взору открывается оживленная картина. Прибыло большое торговое судно, и он находится так близко, что слышит развеселую ругань людей, разгружающих бочки, мешки и ящики. Большую часть дня он проводит, глядя в окно, наподобие кота. Он собирался отправляться на запад немедленно, но так легко тянуть время в Галифаксе, где он поддался своей слабости, о которой знал всю жизнь: Эдвин способен на действие, но подвержен инерции. Ему нравится сидеть у окна, в котором непрерывно движутся люди и корабли. Ему не хочется уезжать, поэтому он остается.

– Просто пытаюсь решить, что делать дальше, – говорит он хозяйке заведения, которая деликатно наводит справки. Ее зовут миссис Доннелли. Она родом из Ньюфаундленда.

Эдвин озадачен ее акцентом. У нее такой говор, словно она из Бристоля и Ирландии одновременно, но иногда ему слышится и шотландское наречие. Комнаты содержатся в чистоте, и она прекрасно готовит.

Под его окном проходят толпы матросов. Они поглядывают вверх лишь изредка. Ему нравится наблюдать за ними, но он не решается выйти им навстречу. К тому же у них своя компания. Когда они навеселе, то похлопывают друг друга по плечу, вызывая у него жгучую зависть.

(Может, пойти в моряки? Нет, конечно. Он отбрасывает эту мысль, едва она возникает. Однажды он слышал о человеке, жившем на родительское пособие, который нашел себя на морском поприще, но Эдвин сибарит до мозга костей.)

Он обожает смотреть, как пароходы с остатками европейского лоска на палубах заходят в гавань.

По утрам и после полудня он прогуливается по тихим жилым кварталам до гавани, заглядывая в магазинчики под полосатыми навесами на Баррингтон-стрит. Он любит кататься на электрическом трамвае до конечной остановки, затем возвращается, наблюдая, как домики сменяются домами покрупнее, а ближе к центру – торговыми заведениями. Ему нравится покупать вещицы, в которых он не особо нуждается: каравай хлеба, пару открыток, букет цветов. Эдвин ловит себя на мысли, что был бы не прочь вести такой незатейливый образ жизни. Ни семьи, ни работы, лишь несколько про-

стых радостей, ночью свежее постельное белье и регулярное вспомоществование из дому. Жизнь в уединении обещала много приятного.

Раз в несколько дней он покупает цветы и ставит на комод в дешевенькую вазу. И долго любуется ими. Ему захотелось стать художником, чтобы запечатлеть их и тем самым увидеть еще отчетливее.

Может, поучиться рисованию? У него есть и время, и деньги. Совсем недурная задумка. Он расспрашивает миссис Доннелли, а та разузнает у своего приятеля, и вскоре Эдвин оказывается в гостиной у некоей дамы, которая обучалась живописи. Он проводит в молчании часы, делая наброски цветов и ваз, изучая основы полутонов и пропорций. Женщину зовут Летиция Рассел. Она носит обручальное кольцо, но местопребывание ее мужа неизвестно. Она живет в опрятном деревянном доме в компании троих детей и вдовой сестры – ненавязчивой дуэньи, которая вяжет бесконечные шарфы в углу, так что у Эдвина рисование на всю жизнь будет ассоциироваться с позвякиванием вязальных спиц.

На шестой месяц проживания в пансионе прибывает Реджинальд. Сразу видно, что он не подвержен инерции. Реджинальд намерен незамедлительно уехать на запад. Он на два года старше Эдвина, однокашник из Итона, третий сын виконта; у него прекрасные глубокие серо-голубые глаза. Подобно Эдвину, в его планы входит обосноваться здесь в качестве фермера-джентльмена, но в отличие от Эдвина,

он предпринимает шаги к достижению своей цели и состоит в переписке с человеком, который намерен продать ферму в Саскачеване.

– Шесть месяцев, – твердит Реджинальд за завтраком, недоумевая. Он на миг перестает намазывать джем на тост, желая убедиться, что правильно все расслышал. – Шесть *месяцев*? Ты шесть месяцев *здесь*?

– Да, – непринужденно отвечает Эдвин. – Я бы сказал, шесть очень приятных месяцев.

Он пытается перехватить взгляд миссис Доннелли, но та нарочито сосредоточена на разливании чая. Эдвин чувствует, что она считает его малость тронутым.

– Любопытно. – Реджинальд намазывает джем на тост. – Я не питаю надежд, что нас отзовут домой, не правда ли? Чтобы мы зацепились за край Атлантики, поближе к королю и Родине?

Это немного уязвило его, поэтому, когда на следующей неделе Реджинальд отправляется на запад, Эдвин принимает приглашение Реджинальда составить ему компанию. В поезде, увозящем его из города, он решает, что предпринимать действия – приятно. Они едут первым классом на восхитительном поезде, оснащенном парикмахерской и почтовым отделением, откуда Эдвин пишет открытку Гилберту и наслаждается горячим бритьем и стрижкой, созерцая леса, озера и городки, проплывающие мимо. Когда поезд останавливается в Оттаве, он не сходит, а остается в купе, делая за-

рисовки станции.

Леса, озера и городки преобразаются в равнины. Прерии поначалу вызывали интерес, потом наскучили, затем стали раздражать.

Прерии в избытке. Вот в чем загвоздка. Нарушены пропорции. Поезд ползет, словно сороконожка по бескрайней траве. Ему видно все от горизонта до горизонта. Он чувствует себя чересчур уязвимым.

– Вот она – жизнь, – говорит Реджинальд в дверях своего нового фермерского дома, когда они, наконец, прибыли на место. Ферма расположена в нескольких милях от города Принс Альберт и представляет собою море грязи. Реджинальд приобрел ее, не удосужившись взглянуть, что покупает, у некоего отчаявшегося англичанина, – очередного получателя родительских пособий, как подозревает Эдвин, – потерпевшего сокрушительный провал на этой ниве и теперь возвращающегося на восток, чтобы занять конторскую должность в Оттаве. Реджинальд очень старается не задумываться об этом человеке – Эдвин это видит.

Могут ли неудачи преследовать дом? Как только Эдвин переступает порог фермы, он сразу чувствует себя не в своей тарелке, а потому предпочитает держаться на веранде. Дом добротный – прежний владелец был хорошо обеспечен, – но в нем витает непостижимый для Эдвина дух неблагополучия.

– Как тут... много неба, не находишь? – отваживается

спросить Эдвин. И уйма грязи. Неимоверное количество грязи. Она посверкивает под солнцем, насколько хватает взора.

– Просто необъятные пустоши и свежий воздух, – говорит Реджинальд, вглядываясь в ужасающе бесформенный горизонт. Эдвин видит вдалеке еще одну ферму, очертания которой скрадывает расстояние. Небо до рези в глазах синее. В тот вечер у них на ужин яичница-болтуня – единственное, что умеет стряпать Реджинальд – и солонина. Реджинальд, кажется, удручен.

– Полагаю, земледелие весьма утомительное занятие? – говорит он и добавляет: – Физически изнурительное.

– Пожалуй. – Когда Эдвин пытался представить себя в новом свете, то всегда видел себя на собственной ферме – изумрудные уголья, гм, сельхозкультуры неопределенного происхождения, ухоженные, но необъятные. Но, по правде говоря, он никогда особо не задумывался, что из себя представляет труд фермера. Он полагает, что это уход за лошадьми. Немного садоводства. Вспашка полей. А что потом? Что нужно делать с этими полями, когда ты их вспахал? Для чего нужно их вспахивать?

Ему кажется, он балансирует на краю пропасти.

– Реджинальд, старина, – спрашивает он, – что нужно сделать в этих местах, чтобы разжиться выпивкой?

– *Пожинать* плоды, – говорит себе Эдвин после третьего стакана. – Вот как это называется. Нужно вспахать поле, за-

сеять его, затем пожинать плоды. – И осушает стакан.

– Пожинать что? – В подпитии Реджинальд ведет себя очень мило, словно ничто не в состоянии его задеть. Он откидывается на спинку стула, улыбаясь в пустоту.

– Ведь так повелось, не правда ли, – говорит Эдвин и наливает себе еще.

3

После месяца возлияний Эдвин оставляет Реджинальда на его новой ферме и продолжает свой путь на запад, на встречу с Томасом, школьным товарищем брата Найла, который ступил на континент через Нью-Йорк и сразу поспешил на запад. От Скалистых гор, сквозь которые проходит поезд, у Эдвина захватывает дух. Он прижимается лбом к окну, разинув рот, как ребенок. Красота ошеломляет. Пожалуй, он немного переборщил с выпивкой там, в Саскачеване. Он решает вести себя получше в Британской Колумбии. Солнце слепит.

После дикой красоты испытываешь потрясение, очутившись на опрятных, одомашненных улицах Виктории. Повсюду англичане; он сходит с поезда и попадает в гущу родного говора. «Можно задержаться тут на время», – думает он.

Эдвин находит Томаса в чистенькой гостиничке в центре города, где Томас занимает лучший номер, и они заказывают чаю с коржиками в нижнем ресторане. Они не виделись

года три-четыре, но Томас почти не изменился. По-прежнему румяный, как в детстве, с таким видом, будто только что покинул поле для регби. Он пытается вступить в деловое сообщество Виктории, но смутно представляет, каким делом ему хочется заняться.

– А как поживает твой брат? – спрашивает он, сменив тему, имея в виду Найла.

– Пытается пробиться в Австралии, – говорит Эдвин. – Судя по письмам, доволен.

– Что ж, мало кто из нас может этим похвастаться, – говорит Томас. – Шутка сказать – доволен. Чем он там занимается?

– Пропивает родительское пособие, я полагаю, – не поджентльменски отвечает Эдвин, хотя, скорее всего, так оно и есть. Они занимают столик у окна, и его взгляд блуждает по улице, по витринам магазинов, по проступающему вдали непостижимому девственному лесу, по темным, вздымающимся деревьям, что теснятся на окраинах. Есть что-то курьезное в том, что вся эта дикая природа принадлежит Британии, но он быстро прогоняет эту мысль, ибо она напоминает ему последний ужин в Англии.

4

Последний ужин начинался вполне благопристойно, но беда приключилась, когда разговор зашел, как и всегда, о

неописуемых красотах Раджа. Ведь родители Эдвина появились на свет в Индии, отпрыски Раджа, английские дети, воспитанные индийскими нянями...

– Если она еще раз заикнется про свою треклятую туземную няню... – пробурчал однажды, оборвав свою мысль на полуслове, брат Эдвина Гилберт.

...взращенные на сказаниях о невиданной Британии, которая, как подозревал Эдвин, слегка разочаровала их, когда те впервые ее узрели в возрасте чуть старше двадцати. («Дождливее, чем я ожидал», – говорил отец Эдвина, стараясь больше не распространяться на эту тему.)

На последнем ужине присутствовала и другая семья – Барретты – со схожей судьбой: Джон Барретт служил капитаном второго ранга в Королевском военно-морском флоте, а Клара, его жена, тоже провела первые годы своей жизни в Индии. С ними был их старший сын Эндрю. Барретты знали, что в любой вечер, проведенный с матерью Эдвина, разговор неминуемо свернет на Британскую Индию, и как старинные друзья, они понимали, что как только Абигаиль покончит с Раджем, разговор войдет в привычное русло.

– Знаете ли, я так часто ловлю себя на мысли о красоте Британской Индии, – сказала мать. – Колорит был восхитительный.

– А зной – угнетающим, – сказал отец Эдвина. – Вот уж по чему я не тоскую после переезда в эти края.

– О, я никогда не находила зной таким уж угнетающим. –

У матери Эдвина появился отстраненный взгляд, прозванный Эдвином и его братьями «маской Британской Индии». Ею овладевала отрешенность, означавшая, что в мыслях она унеслась прочь: она восседает на слоне, или прогуливается по саду среди роскошных тропических цветов, или угощается сэндвичами с огурцом, поданными пресловутой туземной няней, или бог знает что еще.

– Как, впрочем, и аборигены, – мягко сказал Гилберт, – но, думаю, такой климат на любителя.

Кто потянул Эдвина за язык именно в тот момент? Он задался этим вопросом много лет спустя, на войне, среди смертельного ужаса и окопной тоски. Порой не знаешь, что метнешь гранату, пока чека уже не вырвана.

– Опыт показывает, что их скорее угнетают британцы, чем жара, – сказал Эдвин. Он посмотрел на отца, но тот опешил; его стакан завис на полпути между столом и губами.

– Дорогой, – спросила мать, – что ты хочешь этим сказать?

– Мы им надоели, – ответил Эдвин. Он оглядел безмолвные изумленные лица сидящих за столом. – Тут двух мнений быть не может, к сожалению. – К его удивлению, собственный голос слышался ему словно издалека. У Гилберта отвисла челюсть.

– Молодой человек, – изрек отец, – мы принесли этим людям не что иное, как цивилизацию...

– Однако нельзя не заметить, – возразил Эдвин, – что в конечном счете они предпочитают свою, собственную цивили-

лизацию. Некоторое время они вполне обходились и без нас, не так ли? Несколько тысяч лет? – Это было все равно что оказаться привязанным к крыше мчащегося поезда. Его познания об Индии были поверхностны, но он помнил, как был потрясен в детстве отчетами о восстании 1857 года¹. – Кому мы нужны, *где бы то ни было?* – услышал он свой голос. – С какой стати мы воображаем, будто эти далекие земли принадлежат нам?

– Потому что мы их *завоевали*, Эдди, – сказал Гилберт после недолгой паузы. – Можно предположить, что исконные обитатели Англии не испытывали единогласного восторга по поводу прибытия нашего двадцать второго прадеда, но, гм, история принадлежит победителям.

– Вильгельм Завоеватель жил тысячу лет назад, Берт. Конечно, мы могли бы стать более цивилизованными, чем одержимый внук викинга-разбойника.

Эдвин умолк. Все уставились на него.

– Одержимый внук викинга-разбойника, – тихо повторил Гилберт.

– Хотя, полагаю, нужно быть благодарными за то, что мы христиане, – сказал Эдвин. – *Представьте*, в какую кровавую баню превратились бы колонии, если бы мы не были таковыми.

– Ты атеист, Эдвин? – спросил Эндрю Барретт с непод-

¹ Речь о восстании сипаев 1857–1859 годов. (Здесь и далее примечания переводчика. – А. О.)

дельным интересом.

– Я и сам наверняка не знаю, – ответил Эдвин.

Воцарилась тишина, пожалуй, самая невыносимая в жизни Эдвина, но затем очень негромко заговорил его отец, который, приходя в ярость, намеренно вещал рублеными фразами, чтобы привлечь внимание.

– Всеми благами в твоей жизни, – сказал отец. – Все посмотрели на него. Он повторил свой фирменный прием, только чуть громче и с убийственной невозмутимостью: – Всеми благами в твоей жизни, Эдвин, ты обязан тому, что являешься потомком *одержимого внука викинга-разбойника*, как ты красноречиво выразился.

– Конечно, – сказал Эдвин. – Могло быть намного хуже. – Он поднял свой бокал: – За Вильгельма Ублюдка!²

Гилберт нервно захихикал. Остальные не проронили ни звука.

– Прошу прощения, – сказал гостям отец Эдвина. – Моего младшего сына вполне резонно можно было бы принять за взрослого человека, но, похоже, он все еще ребенок. Марш в свою комнату, Эдвин. Хватит с нас на сегодня.

Эдвин подчеркнуто официально встал из-за стола и сказал:

– Всем доброй ночи. – Отправился на кухню и попросил принести ему в комнату сэндвич – основное блюдо еще не было подано – и удалился дожидаться вынесения пригово-

² Вильгельм Ублюдок, или Бастард – прозвище Вильгельма Завоевателя.

ра, который подоспел к полуночи, возвестив о себе стуком в дверь.

– Войдите, – сказал он в волнении, глядя из окна, как ветер раскачивает дерево.

Вошел Гилберт, затворив за собой дверь, и уселся в старинное кресло в подтеках – одно из самых ценных достояний Эдвина.

– Ничего себе спектакль, Эдди!

– Не знаю, о чем я думал, – сказал Эдвин. – Впрочем, нет, неправда. Я знаю. Я совершенно уверен, что у меня в голове не было ни единой мысли. Некая пустота.

– Ты нездоров?

– Вовсе нет. Никогда не чувствовал себя лучше.

– Пощекотал же ты себе нервы, – заметил Гилберт.

– Еще как! Не могу сказать, что сожалею об этом.

Гилберт улыбнулся.

– Тебе велено отправляться в Канаду, – сказал он тихо. – Отец занимается приготовлениями.

– Я всегда собирался поехать в Канаду, – сказал Эдвин. – Это было намечено на будущий год.

– Теперь придется ехать несколько раньше.

– Насколько раньше, Берт?

– На той неделе.

Эдвин кивнул. Он почувствовал легкое головокружение. Атмосфера комнаты немного изменилась. Ему предстояло вступить в непонятный мир, и комната уже начала уплывать

в прошлое.

– Что ж, – сказал Эдвин спустя миг, – по крайней мере, мы с Найлом будем на разных континентах.

– Опять ты за свое, – посетовал Гилберт. – Ты что, просто говоришь первое, что придет в голову?

– Рекомендую.

– Мы не можем позволить себе быть столь легкомысленными. У некоторых из нас есть обязанности.

– Ты подразумеваешь наследование титула и состояния, – сказал Эдвин. – Какая ужасная судьба. Впоследствии я буду тебя оплакивать. Мне будет назначено то же пособие, что и Найлу?

– Немного больше. Найлу уже полагается обеспечивать себя. Тебе дается пособие, но с условием.

– Выкладывай.

– На некоторое время тебе закрыт доступ в Англию, – сказал Гилберт.

– Ссылка, – сказал Эдвин.

– Только не драматизируй. Ты и так собирался уезжать в Канаду, как ты сказал.

– Но на какое время? – Эдвин отвернулся от окна, чтобы посмотреть на брата. – Я думал, что временно поеду в Канаду, обоснуюсь там, а потом буду регулярно приезжать домой. Что именно сказал отец?

– К сожалению, если мне не изменяет память: «Скажи ему, чтобы не смел носа сунуть в Англию».

– Что ж, весьма... недвусмысленно.

– Ты же знаешь его нрав. К тому же мама на его стороне. – Гилберт встал, но задержался у двери. – Просто дай им время, Эдди. Я бы удивился, если бы твоя ссылка оказалась бессрочной. Я этого так не оставлю.

5

По разумению Эдвина, недостаток Виктории³ в том, что она слишком похожа на Англию, не будучи при этом Англией. Виктория – весьма отдаленное подобие Англии, акварель, неубедительно наложенная на ландшафт. На второй вечер, проведенный Эдвином в городе, Томас приводит его в Союзный клуб. Поначалу здесь мило – картинка из дому – приятное времяпровождение в компании таких же парней из родных мест и восхитительный односолодовый виски. Некоторые джентльмены постарше прожили в Виктории несколько десятилетий, и Томас норовит проникнуть в их общество. Держится поближе к ним. Интересуется их мнением, серьезно выслушивает ответы, льстит. Неловко смотреть. Томас явно надеется произвести впечатление солидного человека, с которым можно иметь дело, но Эдвину очевидно, что старожилы всего лишь вежливы. Их не интересуют посторонние, даже если те родом из приличной страны, с приличной

³ Виктория – столица провинции Британская Колумбия на юго-восточной оконечности острова Ванкувер.

родословной, говорят с приличествующим акцентом и отучились в приличных школах. Это закрытое общество, которое держит Томаса на расстоянии. Сколько придется Томасу сохранять дистанцию, выписывая круги по клубу, пока его признают? Пять лет? Десять? Тысячелетия?

Эдвин отворачивается от Томаса и подходит к окну. Они на третьем этаже с видом на бухту, в небе гаснет последний луч света. Он ощущает беспокойство и неловкость. У него за спиной джентльмены обмениваются рассказами о спортивных успехах и однообразных рейсах на пароходе в Квебек-Сити, Галифакс и Нью-Йорк.

– Вы не поверите, – говорит прибывший из последнего порта у него за спиной, – моя бедная матушка все еще думает, что Нью-Йорк принадлежит Содружеству.

Время идет. На бухту опускается ночь. Эдвин подходит к другим джентльменам.

– Но горькая истина заключается в том, – заявляет один из них в разговоре о важности риска, – что у нас нет будущего в Англии, не так ли?

Группа молчит в раздумьях. Они все до единого – младшие сыновья. Они не подготовлены к трудовой жизни, и наследство им не светит. К собственному удивлению, Эдвин поднимает стакан.

– За ссылку, – говорит он и выпивает. Слышится неодобрительный гомон.

– Едва ли это можно назвать *ссылкой*, – говорит кто-то.

– За новое будущее, джентльмены, в новом далеком краю, – как всегда дипломатично говорит Томас.

Позднее Томас находит его у окна.

– Знаешь, – говорит он, – я, кажется, слышал кое-что про некий званный ужин, но мне до сих пор не очень верится.

– Боюсь, эти Барретты неисправимые сплетники.

– Пожалуй, хватит с меня на сегодня этого заведения, – говорит Томас. – Я думал, смогу преуспеть здесь, но если собираешься покинуть Англию, то ее нужно покинуть окончательно и бесповоротно. – Он поворачивается к Эдвину. – Я подумываю податься на север.

– Насколько далеко на север? – Эдвин озабочен удручающими видениями с иглу в мерзлой тундре.

– Не слишком далеко. Чуть севернее острова Ванкувер.

– Какие перспективы?

– У дяди моего друга есть лесозаготовительная компания, – говорит Томас. – Но в общем и целом – девственная природа. Разве мы не за этим здесь? Оставить свой след на девственной природе?

А что, если, напротив, хочется раствориться в девственной природе? Странная мысль на борту парохода, идущего спустя неделю на север, вдоль изрезанного западного побережья острова Ванкувер. Каменистые пляжи, леса, а за ними вздымаются горы. Затем изломанные скалы неожиданно уступают место белому песчаному пляжу – такого длинного Эдвин еще не видывал. Он смотрит на прибрежные дере-

вушки – струится дымок, деревянные шесты с крыльями и намалеванными личинами – тотемные столбы, припоминает он – водруженные то тут, то там. Они ему непонятны, поэтому он их побаивается. Проходит много времени, и белые пески снова сменяются утесами и узкими заливами. Временами вдалеке он видит каноэ. Что, если он растворится в природе, словно соль в воде? Ему захотелось домой. Впервые Эдвин забеспокоился о своем душевном здоровье.

Пассажиры на борту: трое китайцев едут на консервный завод, молодая женщина норвежского происхождения, вся на нервах, едет к мужу, Томас и Эдвин, капитан и двое матросов канадцев – все среди бочек и мешков с припасами. Китайцы говорят на своем языке и смеются. Норвежка выходит из каюты только за тем, чтобы перекусить, и никогда не улыбается. Капитан и экипаж доброжелательны, но не склонны беседовать с Томасом и Эдвином, поэтому Томас и Эдвин проводят большую часть времени вместе на палубе.

– Наш неповоротливый народец в Виктории не понимает, – говорит Томас, – что эта земля целиком предназначена для освоения. – Эдвин смотрит на него и заглядывает в будущее: раз деловые круги Виктории отвергли Томаса, он будет поносить их всю жизнь. – Они уютно устроились в своем, до мозга костей, английском городе, и я могу их понять, но здесь перед нами открываются возможности. Здесь мы можем сотворить свой мир. – Он бубнит про Империю и возможности, а Эдвин всматривается в море. Заливы, бухты,

островки – по правому борту, а за ними громада острова Ванкувер, леса поднимаются в горы, вершины которых теряются в низкой облачности. По левому борту, где они стоят, необъятный океан простирается, как представляется Эдвину, до самой Японии. Его гложет то же чувство незащищенности, что и в прериях. Он чувствует облегчение, когда пароход наконец медленно поворачивает вправо и начинает заход в пролив.

Они прибыли в селение Кайетт под вечер. Ничего примечательного: причал, белая церквушка, семь-восемь домов, проселочная дорога до консервного завода и поселок лесозаготовителей. Эдвин в растерянности стоит у причала с пароходным кофром. Сомнительное местечко, иначе не скажешь. Легкий налет цивилизации, зажатой между лесом и морем. Ему здесь не место.

– Дом, что побольше – пансион, – любезно говорит капитан Эдвину, – если собираетесь задержаться здесь ненадолго, то вот координаты.

Неприятно осознавать, что он так явно запутался. Томас и Эдвин поднимаются на холм к пансиону и занимают комнаты на верхнем этаже. Утром Томас уходит в поселок лесозаготовщиков, а Эдвина охватывает то же оцепенение, что в Галифаксе. Это не совсем апатия. Тщательно поразмыслив, он делает вывод, что не опечален. Просто на какое-то время ему не хочется больше двигаться. Если есть удовольствие в действии, то есть и умиротворение в неподвижности. Он

проводит дни, прогуливаясь по пляжу, делает зарисовки, созерцает море с балкона, читает, играет в шахматы с другими постояльцами. Спустя недели две Томас окончательно отказывается от попыток убедить его побывать в поселке лесорубов.

Красота окрестностей. Эдвину нравится сидеть на пляже и просто созерцать острова и рощицы, растущие прямо из воды. Иногда мимо проплывают каноэ в неизвестном направлении, мужчины и женщины в лодках либо не обращают на него внимания, либо таращат глаза. Пароходы прибывают регулярно, привозя работников и припасы для консервного завода и лагеря лесорубов. Некоторые из них играют в шахматы – одно из любимых развлечений Эдвина. Он никогда не блистал в шахматах, но ему нравится ощущение упорядоченности в игре.

– Чем вы здесь занимаетесь? – иногда спрашивают его.

– Обдумываю следующий ход, – всегда отвечает он или придумывает нечто в этом роде. У него такое ощущение, будто он чего-то ждет. Но чего именно?

6

Солнечным сентябрьским утром он выходит на прогулку и встречает на пляже двух смеющихся женщин-аборигенок. Сестры? Подруги? Они говорят на быстром языке, не похожем ни на один другой, насыщенном звуками, воспроизве-

сти которые кажется немислимо, тем более передать латинскими буквами. У них длинные черные волосы, и когда одна из них поворачивает голову, свет отражается от ее сережек из огромных ракушек. Женщины кутаются в одеяла, спасаясь от холодного ветра.

Заметив Эдвина, они умолкают и наблюдают за его приближением.

– Доброе утро, – здоровается он, касаясь полей шляпы.

– Доброе утро, – отвечает одна из них с приятным мелодичным акцентом. Ее сережки переливаются всеми цветами рассветного неба. Ее подруга с лицом, изрытым оспой, лишь молча смотрит на него. Это не идет вразрез с его опытом жизни в Канаде – если уж на то пошло. Эдвин очень удивился бы, прожив полгода в Новом Свете, что способен очаровывать местное население. Но откровенное безразличие в глазах женщин обескураживало. Его осенило, что именно в этот момент он мог бы высказать свои взгляды на колонизацию людям, стоящим по ту сторону уравнения, так сказать, но он не может придумать ничего такого, что в этих обстоятельствах не прозвучало бы абсурдно. Если сказать им, что колонизация ужасна, то сам собой напрашивается вопрос: «А что ты тут тогда делаешь?» Поэтому он промолчал, к тому же они остались у него за спиной. Момент упущен.

Все еще чувствуя на себе взгляды и пытаясь произвести впечатление, что он занят важным делом, Эдвин продолжает шагать и на каком-то расстоянии сворачивает к стоящим

стеной деревьям. Он никогда не заходит в чащу, потому что боится встретить медведя или пуму, но сейчас лес обладает необъяснимой притягательной силой. Он решает сделать сотню шагов, не более. Отсчитав сто шагов, он, возможно, успокоится. Счет всегда действовал на него умиротворительно. Если он сделает по прямой сто шагов, то едва ли заплутает. Заблудишься – погибнешь. Это очевидно. Здесь всюду гибель. Нет, неверно. Это место не гиблое. Оно равнодушное. Безучастное к тому, выживет он или сгинет. Лесу безразлично, какая у него фамилия, где он учился. Лес его даже не заметил. Эдвин несколько смущен.

7

Врата леса. Эти слова сразу приходят на ум, но Эдвин не помнит, где он их слышал. Похоже, они из книги, прочитанной в детстве. Деревья здесь старые и огромные. Кажется, что вступаешь в собор, если бы не густой подлесок, через который приходится продираться. Он останавливается, едва сделав несколько шагов. Видит прямо перед собой клен, такой большой, что вокруг него образовалась поляна, которая представляется ему заманчивой целью – он решает прогуляться до клена, выйти из подлеска и остановиться на миг. Затем он сразу вернется на берег и больше никогда не войдет в этот лес. Это приключение, говорит он себе, но не чувствует ничего приключенческого, кроме оплеух, отве-

шенных ветками кустарника.

Он пробивается к клену. Здесь тихо. Вдруг он явственно чувствует, что за ним наблюдают. Оборачивается. В ярдах десяти, несуразный, словно призрак, стоит священник. Он старше Эдвина, ему, наверное, за тридцать. У него очень коротко стриженные черные волосы.

– Доброе утро, – говорит Эдвин.

– Доброе утро, – отвечает священник, – и простите меня, я не хотел застать вас врасплох. Я люблю здесь прогуливаться время от времени.

В его акценте есть нечто неуловимое для Эдвина... говор не совсем британский, но и не какой-то другой. Может, он из Ньюфаундленда, как его домовладелица в Галифаксе.

– Здесь умиротворенное местечко, – говорит Эдвин.

– Да, вполне. Не буду прерывать ваши раздумья. Я возвращался из церкви. Может, зайдете попозже?

– Церковь в Кайетте? Но вы не наш священник, – говорит Эдвин.

– Я – Робертс. Заменяю отца Пайка.

– Эдвин Сент-Эндрю. Очень приятно.

– Взаимно. Хорошего дня.

Похоже, священник привык ходить сквозь подлесок не больше, чем Эдвин. Он продирается сквозь деревья, и через несколько минут Эдвин снова остается в одиночестве, глядя вверх сквозь ветви. Делает шаг вперед...

8

...во вспышку черноты, как внезапную слепоту или затмение. Ему мерещится, будто он попал в огромное помещение, нечто вроде вокзала или собора; доносятся звуки скрипки, вокруг люди, затем необъяснимый звук...

9

Когда он приходит в себя, то оказывается на берегу, коленапреклоненным, на грубых камнях, его тошнит. Он едва помнит, как удирал из леса, ослепленный ужасом, кошмаром тьмы и размазанной зеленью, с исхлестанным ветками лицом. Он поднимается и шаткой поступью идет к кромке воды. Заходит в воду по колено – внезапный холод восхитителен, это вернет ему здравомыслие – приседает, чтобы смыть рвоту с лица и рубашки, затем его сбивает с ног волна. Он встает, поперхнувшись морской водой, промокший до нитки.

Он один на берегу, но замечает движение среди домов Кайетта поодаль. Священник исчезает в белой церквушке на холме.

Когда Эдвин добирается до церкви, дверь приоткрыта, в помещении пусто. Дверь за алтарем тоже открыта, и в проеме он видит несколько надгробий в зеленой тиши маленького кладбища. Он протискивается в последний ряд скамей, закрывает глаза и опускает голову на руки. Церковь такая новая, что в ней еще витает аромат свежей древесины.

– Вы упали в океан?

Голос мягкий, акцент по-прежнему нераспознаваемый. Новый священник – Робертс, припоминает Эдвин – стоит в конце его ряда.

– Я присел в воду, чтобы смыть рвоту с лица.

– Вам нездоровится?

– Нет. Я... – Все теперь казалось нелепым и несколько нереальным. – Мне что-то померещилось в лесу. После того, как я встретил вас. Мне что-то послышалось. Не знаю. Это показалось... сверхъестественным. – Подробности уже ускользают от него. Он вошел в лес, а что потом? Он помнит тьму, музыку, необъяснимый звук. Все произошло в одно сердцебиение. А произошло ли на самом деле?

– Можно с вами посидеть?

– Разумеется.

Священник садится рядом с ним.

– Может, хотите исповедаться?

– Я не католик.

– Я здесь ради служения всякому, кто войдет в эту дверь.

Но подробности уже блекнут. В тот момент неизвестность, с которой Эдвин столкнулся в лесу, совершенно подавляла его, но теперь он ловит себя на воспоминании об одном особенно неприятном происшествии, которое случилось однажды утром, еще в школе. Ему лет девять-десять. И он не может прочесть какие-то слова, потому что буквы пляшут и извиваются до неузнаваемости, а перед глазами плавают мушки. Он встал из-за парты, чтобы отпроситься к смотрительнице, и потерял сознание. Обморок обернулся чернотой и шумами: бормотанием и щебетанием, словно зачирикала стайка птичек, пустотой, быстро сменяемой ощущением, будто ты дома, в уютной постельке – благие пожелания подсознания – затем он очнулся в полной тишине. Звуки возвращались постепенно, словно кто-то вращал регулятор громкости, тишину вытесняли шум и гам, возгласы мальчишек и стремительные шаги учительницы.

– Сент-Эндрю, встать! Хватит притворяться!

Чем это отличалось от происшествия в лесу?

Слышались звуки, рассуждает он, упала тьма, точно как в прошлый раз. Может, он просто потерял сознание?

– Мне кажется, я что-то видел, – медленно проговорил Эдвин, – но вот я это говорю и понимаю, что, может, и не видел.

– Если видели, – мягко говорит Робертс, – то вы не един-

ственный.

– Что вы хотите сказать?

– Просто я слышал истории, – говорит священник. – То есть рассказывают...

Неуклюжая оговорка режет слух Эдвина, словно уловка. Робертс подстраивает свою речь, чтобы она больше походила на английскую, как у Эдвина. В этом человеке кроется некая фальшь, которую Эдвин не может до конца раскусить.

– Можно спросить, отец, откуда вы?

– Издалека, – отвечает священник. – Очень издалека.

– Как, впрочем, и все мы, – говорит Эдвин немного раздраженно. – За исключением аборигенов, конечно. Когда мы встретились в лесу, вы сказали, что заменяете отца Пайка, не так ли?

– Захворала его сестра. Он отбыл вчера вечером.

Эдвин кивает, но в словах Робертса сквозит ложь.

– Странно, что я ничего не слышал об отплытии парохода вчера вечером.

– Я должен вам признаться, – говорит Робертс.

– Слушаю вас.

– Когда я встретил вас в лесу и сказал, что возвращаюсь в церковь, гм, уходя, я оглянулся на мгновение.

Эдвин уставился на него.

– Что вы увидели?

– Я увидел, как вы встали под кленом. Вы смотрели вверх, сквозь ветки, и потом... ну, мне показалось, что вам видно

нечто, чего я не могу видеть. Там было что-то?

– Я видел... ну, мне показалось, я видел...

Но Робертс смотрит на него слишком пристально, и в тиши однонефной церкви, на краю Западного мира, Эдвина охватывает безотчетный страх. Он еще не совсем оправился: в голове пульсирует боль, на него навалилась колоссальная усталость. Ему не хочется больше говорить. Он только хочет прилечь. Присутствие Робертса противоречит здравому смыслу.

– Если отец Пайк отбыл прошлым вечером, – говорит Эдвин, – значит, он отправился в плавание.

– Но он действительно отбыл, – говорит Робертс, – уверяю вас.

– Вы знаете, святой отец, насколько местные жадны до новостей, любых новостей? Я живу в пансионе. Если бы прошлым вечером отплыл пароход, я бы услышал об этом за завтраком. – Напрашивается очевидный вопрос. – Так вот, касательно того, о чем я должен был знать: как вы сюда попали? Ни один пароход не прибыл за последние день-два, так что остается предположить, что вы пришли из лесу?

– Ну, – говорит Робертс, – сомневаюсь, что вам нужно непременно знать способ моего передвижения...

Эдвин встает. Робертсу тоже приходится подняться. Священник пятится назад по проходу, и Эдвин протискивается мимо него.

– Эдвин, – говорит Робертс, но Эдвин уже у двери. При-

ближается другой священник, поднимаясь по лестнице от дороги: отец Пайк только что вернулся из поездки на консервный завод или в лагерь лесорубов, грива его седых волос сверкает на солнце.

Эдвин оглядывается на опустевшую церковь с распахнутой дверью. Робертса и след простыл.

II. Мирэлла и Винсент / 2020 год

1

– Я хочу показать вам нечто странное. – Композитор, известный в очень узком сегменте рынка, которому не грозило быть узанным на улице, знакомый ограниченному творческому кругу, очевидно, чувствовал себя не в своей тарелке и взмок, склоняясь к микрофону.

– Моя сестра увлекалась видеосъемкой. Следующий фрагмент снят ею, я нашел его в архиве после ее кончины. На нем есть некий необъяснимый сбой. – Он умолк на мгновение, налаживая пульт управления. – Я написал к нему музыку, но перед сбоем мелодия смолкнет, чтобы вы оценили красоту технического дефекта.

Сначала звучит музыка мечтательными всплесками струнных инструментов, слегка напоминающих помехи, затем начинается фильм: его сестра прогуливается с камерой по еле заметной лесной тропинке к старому клену. Она встает под сень ветвей и направляет камеру вверх: зеленая листва отсвечивает под солнцем на ветру, музыка обрывается так внезапно, что тишина кажется очередным тактом. Следующим тактом оказывается чернота: всего лишь секундное за-

темнение на экране, и молниеносное наложение звуков – несколько нот скрипки, приглушенная какофония, как на пригородном вокзале, странный свистящий звук, напоминающий работу гидравлики, – и в одно биение сердца фрагмент прекратился. Дерево возникло снова, камера лихорадочно запрыгала, видимо, сестра композитора ошалело озиралась по сторонам, позабыв, наверное, что держит камеру.

Музыка композитора продолжается, видеоклип плавно переходит в его новые произведения. Клип на пять-шесть минут, отснятый им самим, показывает какой-то вызывающе уродливый перекресток в Торонто, но струнный оркестр пытается создать впечатление скрытой красоты. Композитор работал быстро, исполняя музыкальные фразы на клавишных инструментах, которые возникали спустя такт в виде скрипичной музыки, выстраивая мелодию слоями на фоне улицы в Торонто, мерцающей на экране над головой.

Сидевшая в первом ряду Мирэлла Кесслер прослезилась. Она дружила с сестрой композитора Винсент и не знала о ее смерти. Вскоре она покинула театр и посидела в дамском салоне, чтобы собраться с духом. Глубокие вдохи, укрепляющий слой косметики.

– Держись! – велела она вслух своему отражению в зеркале. – Держись!

Она пришла на концерт в надежде поговорить с композитором, чтобы разыскать Винсент. У нее накопились кое-какие вопросы. В некий период своей жизни, столь отдален-

ный, что он казался сказочным преданием, у Мирэллы был муж – Фейсал, и они с Фейсалом дружили с Винсент и ее мужем Джонатаном. Это были восхитительные годы путешествий и богатства, затем все рухнуло. Инвестиционный фонд Джонатана на проверку оказался финансовой пирамидой. Фейсал, не справившись с финансовым крахом, покончил с собой.

После этого Мирэлла больше никогда не разговаривала с Винсент – разве возможно, чтобы Винсент ничего не знала? Но спустя десять лет после смерти Фейсала она оказалась в ресторане с Луизой, с которой встречалась в тот год, и к ней впервые стали закрадываться сомнения.

Они ужинали в ресторанчике, который специализируется на лапше, в Челси, и Луиза рассказывала о неожиданной-негаданной открытке на день рождения от тетушки Джеки, с которой Мирэлла никогда не встречалась по причине постоянных склок в семье Луизы.

– Джеки, как правило, ведет себя невыносимо, – сказала Луиза, – но, по-моему, у нее есть на это все основания.

– А что с ней приключилось?

– Я тебе не рассказывала? Это грандиозно! Ее муженек тайне завел себе вторую семью.

– Seriously? Прямо мыльная опера.

– Дальше – лучше. – Луиза подалась вперед, чтобы донести кульминационный момент. – Свою левую семейку он

пристроил *по ту сторону улицы*.

– Что?

– Да, это было потрясающе. Ладно, – сказала Луиза, – представь себе эту картину. Управляющий инвестиционным фондом, квартира на Парк-авеню, неработающая жена, двое детей в частной школе. Верхний Ист-Сайд. В один прекрасный день тетушка Джеки изучает выписку по счету кредитной карты «Америкен экспресс», а там платеж за обучение в частной школе, в которую ни один ее ребенок не ходит. Она показывает выписку дядюшке Майку, приговаривая: «Что это за безумные счета», – и его чуть кондрашка нехватила на месте.

– Продолжай.

– Мои кузены тогда учились в восьмом и девятом классах, но, оказывается, дядюшка Майк приходился отцом еще и пятилетнему ребенку по ту сторону улицы. Он по ошибке заплатил за детский сад не той картой.

– Постой, *буквально* по ту сторону улицы?

– Ну да. Здания стоят прямо напротив друг друга. Швейцары наверняка все знали много лет.

– А как же она не догадывалась? – спросила Мирэлла, и прошлое захлестнуло ее, она вспомнила о Винсент.

– Тот, у кого бесконечный рабочий день, может скрыть что угодно, – сказала Луиза. Она еще рассказывала про свою тетушку, не замечая, что мысли Мирэллы где-то в другом месте. – Тебе повезло, что я не работаю.

– Повезло, – повторила Мирэлла и поцеловала руку Луизе. – Вот ведь безумная история.

– Просто умора! Это ж надо догадаться – так устроиться в доме напротив, – сказала Луиза. – Какой *дерзновенный* выбор места!

– Даже не знаю, что это – лень или трезвый расчет. – Мирэлла делала вид, будто мыслями все еще находится здесь, в ресторане с Луизой, лакомится лапшой, но она унеслась далеко. В стертых голосовых сообщениях и в свидетельских показаниях Винсент клялась, что ничего не знала о преступлениях мужа.

– Мирэлла. – Рука Луизы ласково легла на запястье Мирэллы. – Вернись.

Мирэлла вздохнула и отложила палочки для еды.

– Я тебе рассказывала про свою подругу Винсент?

– Жену строителя финансовой пирамиды?

– Да. История про твою тетюшку напомнила мне о ней. Я тебе говорила, что встретила ее однажды после смерти Фейсала?

Луиза вытаращила глаза.

– Нет.

– Прошло чуть больше года после его смерти, то есть в марте-апреле 2010 года. Я зашла в бар с друзьями, а там барменша – Винсент.

– Надо же! Что ты ей сказала?

– Ничего, – ответила Мирэлла.

Поначалу она Винсент не узнала. В денежные времена у Винсент были длинные волнистые волосы, как у всех статусных жен, но в баре – очень коротко остриженные волосы, очки, никакого макияжа. В тот момент такая маскировка показалась Мирэлле подтверждением вины – конечно, ты пытаешься спрятаться, чудовище – но теперь возникла некая двусмысленность: разумным объяснением короткой стрижки/очков/отсутствия макияжа было то, что в любой момент в бар мог нагрянуть какой-нибудь инвестор, обманутый ее мужем. В те дни Манхэттен кишмя кишел обманутыми инвесторами.

– Я сделала вид, что не знаю ее, – сказала она Луизе. – В отместку, наверное. Это были не лучшие мои минуты. Она уверяла меня, что не знала, чем занимается Джонатан, а я думала: «Конечно, ты знала. Как ты могла не знать. Ты знала и дала Фейсалу разориться, а теперь его не стало». Ни о чем другом я в те дни не думала.

Луиза кивнула.

– Разумеется, она знала, – сказала она.

– А вдруг не знала?

– Вероятно ли, что она не знала? – спросила Луиза.

– Тогда я так не думала. Но вот ты мне рассказала про бедняжку тетю Джеки, и, ну, если можно спрятать пятилетнего ребенка, то почему бы не спрятать пирамиду?

Луиза держала Мирэллу за руки через стол.

– Тебе нужно с ней поговорить.

– Понятия не имею, как ее найти.

– На дворе 2019 год, – сказала Луиза. – Все на виду.

Но только не Винсент. В те дни Мирэлла работала секретарем в приемной одного роскошного магазина-салона близ Юнион-сквер. Это заведение не нуждалось в большом количестве покупателей, потому что если сюда приходили за покупками, то тратили десятки тысяч долларов. Наутро после ужина с Луизой, коротая время в час затишья за столом регистрации величиной с автомобиль, Мирэлла занялась поисками Винсент. Сначала она попробовала отыскать Винсент по фамилии мужа. Поиск «Винсент Алькайтис» выдал старые фотографии светской хроники, некоторые вместе с Мирэллой – вечеринки, гала-ужины и т. п. – а также множество веб-страниц с Винсент на судебных слушаниях ее мужа, в сером костюме с почерневшим лицом, и ничего больше, ничегошеньки. Самые свежие снимки датировались 2011 годом. Результаты запроса с фамилией Смит – множество различных людей, в большинстве своем мужчин, среди которых не было той, кого она искала. Винсент не было ни в соцсетях, ни где бы то ни было еще.

Раздосадованная, она откинулась на спинку кресла. Высоко над ее столом мигала лампочка. На работу Мирэлла ходила под солидным слоем макияжа, и, когда она уставала после полудня, ее лицо ощущало тяжесть. По выложенным белой плиткой прериям торгового зала одинокий менеджер по продажам прогуливал посетителя мимо фирменных компо-

зитных материалов всевозможных расцветок, которые казались каменными, однако таковыми не являлись.

Родители Винсент давно умерли, но у нее был брат. Чтобы вспомнить его имя, требовалось основательно покопаться в памяти, куда Мирэлла предпочитала не заглядывать. Она посмотрела на дверь, дабы убедиться, что посетителей не ожидается. Затем, закрыв глаза, сделала два глубоких вдоха и набрала в «Гугле» «Пол Смит + композитор».

Вот таким образом спустя четыре месяца она оказалась в Бруклинской академии музыки, дожидаясь у служебного входа Пола Джеймса Смита. Она надеялась, что он подскажет ей, как найти Винсент. Но оказалось, она умерла, значит, разговор пойдет совсем в другом ключе. Служебный вход находился на тихой улице в жилой застройке. В ожидании Мирэлла расхаживала, не отдаляясь, делая по несколько шагов взад-вперед. В конце января стояла не по сезону теплая погода, намного выше нуля. С ней за компанию ждал только один человек: мужчина ее возраста, за тридцать, в джинсах и невзрачном пиджаке. Одежда сидела на нем мешковато. Он кивнул Мирэлле, она кивнула в ответ, и началось неловкое ожидание. Прошло некоторое время. Мимо, не глядя на них, прошли двое сотрудников.

Наконец появился брат Винсент. Вид у него был изнуренный; правда, в оранжевом свечении уличных фонарей никто не выглядел особенно цветущим.

– Пол... – заговорила Мирэлла в тот самый момент, когда

мужчина сказал: – Прошу прощения... – Последовал обмен виноватыми взглядами, и они замолчали. Пол смотрел то на нее, то на него. К ним быстро приближался еще один человек, бледный субъект в шляпе-федоре и плаще-шинели.

– Приветствую! – сказал Пол, обращаясь ко всем сразу.

– Приветствую! – сказал новоприбывший и приподнял шляпу, обнажив почти лысую голову. – Даниел Макконахи. Ваш большой поклонник. Замечательный концерт.

Пол вытянулся на целый дюйм и засиял на несколько ватт ярче, шагнув, чтобы пожать ему руку.

– Благодарю, – сказал он, – всегда приятно встретить поклонника. – Он выжидательно посмотрел на Мирэллу и мешковато одетого мужчину.

– Гаспери Робертс, – представился мешковатый. – Восхитительный концерт.

– Надеюсь, вы не обидитесь, – сказал человек в федоре, – я вовсе не хочу сказать, что у вас грязные руки, просто я помешался на антисептиках с тех пор, как город Ухань попал в новости. – Он потирал руки с извиняющейся улыбкой.

– Фомиты – не главный способ распространения Ковида-19, – сказал Гаспери.

Фомиты? Ковид-19? Мирэлла никогда не слышала ни о том, ни о другом, двое остальных тоже нахмурились.

– Ах да, – сказал Гаспери, кажется, самому себе, – сейчас только январь. – Он снова собрался с мыслями. – Пол, могу я угостить вас выпивкой и задать наскоро пару вопросов

о вашей работе? – Он говорил с неким акцентом, который Мирэлла не могла распознать.

– Отличная идея, – сказал Пол. – Мне точно не помешает пропустить стаканчик. – Он обернулся к Мирэлле.

– Мирэлла Кесслер, – сказала она. – Мы дружили с вашей сестрой.

– Винсент, – тихо проговорил он. Мирэлла не знала, как истолковать выражение его лица. Печаль с налетом тайны. На мгновение все замолчали. – Послушайте, – сказал он с напускным весельем, – не пойти ли нам *всем* выпить?

Они зашли во французский ресторанчик в нескольких кварталах, напротив парка, который с места, где сидела Мирэлла, представлялся холмом, который еле умещался в пределах высокой кирпичной стены. Она совсем не знала Бруклин, поэтому ей все здесь было в диковину; никаких ориентиров, кроме того, что если выйти на улицу, то шпили Манхэттена окажутся по левую руку. Первое потрясение от известия о смерти Винсент немного ослабло и сменилось бесконечной усталостью. Она сидела рядом с мужчиной в федоре, имя которого запомнила, напротив Гаспери, сидящего возле Пола. Человек в федоре разглагольствовал о талантах Пола, его очевидном влиянии, творческом долге перед Уорхолом и т.п. Ах, он в восторге от произведений Пола с самого начала, от его новаторского экспериментального сотрудничества с видеохудожником – напомниме, как

его зовут? – в Арт-Базеле, что в Майами-бич. Какой прорыв произошел, когда Пол внезапно начал использовать свои собственные видеофильмы вместо того, чтобы заимствовать у других. И так далее и тому подобное. Пол сиял. Ему нравились похвалы, а кому – нет? Она сидела напротив окна, и ее взгляд блуждал по парку за плечом Гаспери. Если случится землетрясение и стена рухнет, вывалится ли парк на улицу и засыплет ресторан? Ее внимание вернулось к столу при упоминании имени Винсент.

– Так значит, это ваша сестра Винсент сняла то странное видео из сегодняшнего концерта? – спрашивал Гаспери, имя которого запомнилось, потому что она такого еще не слышала.

Пол засмеялся.

– Скажите, какое из моих видео не странное, – сказал он. – Я давал интервью в прошлом году, и парень все называл меня «*sui generis*» – единственным в своем роде, и в какой-то момент я говорю: «Послушайте, вы можете просто сказать «странный». Странный, чудной, ненормальный, на ваш вкус». После этого интервью оживилось, доложу я вам. – Он громко засмеялся над своим рассказом, и федора тоже.

Гаспери улыбнулся.

– Я имел в виду видео на лесной тропинке, – не унимался он. – С темнотой и необычным шумом.

– О да. Это снимала Винсент. Она разрешила мне использовать эту пленку.

– Это снималось там, где вы росли? – спросил Гаспери.

– О, вы навели справки, – одобрительно сказал Пол.

Гаспери отвесил поклон.

– Вы ведь родом из Британской Колумбии?

– Да. Крохотное местечко под названием Кайетт, на севере острова Ванкувер.

– О-о, близ острова Принца Эдуарда, – сказала со знанием дела федора.

– Но вырос я не там, – сказал Пол, видимо не расслышав. – Там выросла Винсент. Один отец, разные матери. Так что я проводил там каждое лето и каждое второе Рождество. Но да, видео было снято там.

– Тот... Тот момент на видео, – сказал Гаспери, – та аномалия, за неимением лучшего слова. Вам лично встречалось что-то подобное?

– Только под воздействием ЛСД, – признался Пол.

– О, – сказала федора, неожиданно просияв, – я не догадывался о психоделических влияниях на ваши произведения. – Он доверительно подался вперед. – Я и сам весьма основательно увлекался психоделикой. Если подсесть на опасные дозы, мир открывается совсем в ином свете. Вот что значит иллюзия?

Гаспери смерил его тяжелым взглядом. Мирэлла наблюдала за ним, дожидаясь удобного случая, чтобы спросить о Винсент. Почему-то Гаспери казался ей чужаком.

– Потом, когда это понимаешь, – продолжал человек в фе-

доре, – все встает на свои места, так ведь? Мой приятель никак не мог покончить с сигаретами. Пытался раз шесть, может, восемь. Ни в какую. Без толку. Потом однажды пробует ЛСД. И на тебе! Звонит мне вечером и говорит: «Дэн, это чудо. За весь день не захотелось ни единой сигареты». Говорю же вам, это было...

– Что с ней случилось? – спросила Мирэлла Пола. Она знала, что ведет себя грубовато, но ей было безразлично. Она была подавлена горем и хотела знать, что стало с ее подругой; без этого она не могла уйти от этих людей.

Пол покосился на нее, словно забыл о ее существовании.

– Она упала за борт, – сказал он. – Года полтора... нет, два назад. В прошлом месяце исполнилось два.

– Что за судно? Она отправилась в круиз?

Федора нахмурилась, глядя в свой стакан, а вот Гаспери прислушался к разговору с большим интересом.

– Нет, она... Я не знаю, что вам известно о том, что с ней приключилось в Нью-Йорке, – сказал Пол, – это безумие с ее мужем, когда выяснилось, что он ворюга...

– Мой муж инвестировал в его пирамиду, – сказала Мирэлла. – Мне все об этом известно.

– Боже, – вырвалось у Пола. – Это он...

– Постойте, – сказала федора, – вы говорите о Джонатане Алькайтисе?

– Да, – сказал Пол. – Вы знаете эту историю?

– Безумное преступление, – сказала федора. – Какого раз-

маха была эта афера? Двадцать миллиардов долларов? Тридцать? Я помню, где я был, когда разразилась эта история. Звонит моя мама. Оказывается, пенсионные сбережения отца были...

– Вы рассказывали про судно, – сказала Мирэлла.

Пол сморгнул.

– Да. Правильно.

– Вы склонны перебивать, – обратилась федора к Мирэлле. – Я извиняюсь, конечно.

– Не с вами разговаривают, – отрезала Мирэлла. – Я задавала вопрос Полу.

– Да. Мы с Винсент не общались несколько лет, – сказал Пол, – но после того, как Алькайтис ее бросил и сбежал из страны, Винсент, кажется, прошла курсы, получила свидетельство и завербовалась коком на контейнеровоз.

– О, – сказала Мирэлла. – Ничего себе.

– Жизнь, полная приключений, не правда ли?

– Что с ней стряслось?

– Никто не знает наверняка, – сказал Пол. – Она просто исчезла с борта судна. Похоже на несчастный случай. Тела не нашли.

Мирэлла не ожидала, что расплачется, пока не почувствовала, как слезы текут по ее лицу. Все мужчины за столиком крайне смутились. Только Гаспери догадался протянуть ей салфетку.

– Она утонула, – сказала Мирэлла.

– Да, похоже на то. Они находились в сотнях миль от суши. Она исчезла в непогоду.

– Больше всего она боялась утонуть. – Мирэлла коснулась салфеткой лица. Тишину нарушали приглушенные звуки ресторана: некая пара негромко спорила по-французски за соседним столиком, из кухни доносился звон посуды, хлопнула туалетная дверь. – Ладно, – сказала Мирэлла, – спасибо, что рассказали, и за угощение. – Она не знала, кто платит за выпивку, но точно не она. Встала и, не оглядываясь, вышла из ресторана.

На улице она почувствовала, что понятия не имеет, куда идти. Она знала, что нужно вызвать такси, добраться до дому и завалиться спать, а не пускаться в глупые прогулки в темноте по незнакомым кварталам. Но Винсент умерла. Мирэлла решила найти местечко, чтобы присесть на несколько минут и просто собраться с мыслями. Окрестности производили вполне пристойное впечатление, и было не очень поздно, к тому же она ничего не боялась, поэтому перешла улицу и вошла в парк.

В парке было тихо, но отнюдь не пусто. Сквозь островки света проходили люди, парочки в обнимку и стайки приятелей. Какая-то женщина пела сама для себя. Мирэлла ощущала растворенную в воздухе опасность, но она не была нацелена на нее. Неужели Винсент мертва? Быть этого не может. Она нашла скамейку и надела наушники, чтобы притвориться, будто ничего не слышит, если с ней заговорят.

Ей захотелось стать невидимкой. Она посидит здесь немного и подумает о Винсент или будет сидеть до тех пор, пока не перестанет думать о Винсент. Потом пойдет домой и ляжет спать. Но ее мысли унеслись к Джонатану, бывшему мужу Винсент, доживающему свой век в роскошном отеле в Дубае. Одна мысль о том, что он заказывает обслуживание номеров и просит сменить постельное белье, и плавает в гостиничном бассейне, *а Винсент больше нет*, вызывала у нее негодование.

Перед ней прошел человек и сел рядом на скамейку. Она обернулась и увидела Гаспери, поэтому сняла наушники.

– Извините меня, – сказал он, – я заметил, что вы зашли в парк. Это не очень плохой район, но все же... – Он не закончил мысль, потому что в этом не было необходимости. Для одинокой женщины в парке после наступления темноты любой район опасен.

– Кто вы? – поинтересовалась Мирэлла.

– Почти следователь, – сказал Гаспери. – Если я стану распространяться, вы еще чего доброго примете меня за сумасшедшего.

Теперь ей показалось, что в нем есть что-то знакомое; его профиль отдаленно кого-то напоминал, но откуда?

– Что вы расследуете?

– Знаете, я буду с вами откровенен. Меня не интересует ни мистер Смит, ни его творчество, – признался Гаспери.

– Значит, нас уже двое.

– Но меня интересует, гм, некая аномалия, вроде сбоя на видео, когда почернел экран. Я ждал у служебного входа, чтобы расспросить его об этом.

– Странный момент.

– Могу я спросить, ваша подруга когда-нибудь говорила об этом моменте? Ведь это она снимала.

– Нет, – сказала Мирэлла, – не припоминаю.

– Логично, – сказал Гаспери. – Должно быть, она была очень юна, когда снимала этот клип. Увиденное в молодости порой не запоминается.

Увиденное в молодости.

– Мне кажется, я видела вас раньше, – сказала Мирэлла. Она смотрела на его профиль в тусклом освещении. Он повернулся, чтобы взглянуть на нее, и у нее не осталось сомнений. – В Огайо.

– У вас такой вид, будто вы узрели приведение.

Она встала со скамейки.

– Вы были под эстакадой, – сказала она. – Ведь это были вы, так?

Он нахмурился.

– Думаю, вы приняли меня за кого-то другого.

– Нет, я думаю, это были вы. Под эстакадой. Перед тем, как примчалась полиция, перед тем, как вас арестовали. Вы произнесли мое имя.

Но он выглядел неподдельно растерянным.

– Мирэлла, я...

– Мне пора. – Она заторопилась, не совсем переходя на бег, но стремительно летящей походкой, доведенной до совершенства в Нью-Йорке. Бросилась прочь из парка на улицу, где в аквариумном свечении французского ресторана федора и брат Винсент все еще увлеченно беседовали. Гаспери не стал ее догонять. Хорошо, что на нем белая рубашка, которая выдала бы его свечением в темноте. Она нырнула под сень жилых домов, побежала мимо особняков, железных решеток, старых деревьев, ускоряя шаг, навстречу ярким огням лежащей впереди торговой улицы, где по перекрестку проплывало, словно колесница, желтое такси. О, чудо из чудес – желтое такси в Бруклине! – она проголосовала и забралась внутрь. Спустя миг такси бежало по Бруклинскому мосту. Мирэлла тихо плакала на заднем сиденье. Водитель посмотрел на нее в зеркало заднего вида, но – о, утонченность незнакомцев в этом перенаселенном городе! – промолчал.

2

В детстве Мирэлла жила с матерью и старшей сестрой Сюзанной в пригородном дуплексе в Огайо. Жилой район граничил с большими и малыми торговыми центрами. Фермерские угодья простирались аж до автостоянки универмага «Уолмарт». В нескольких милях находилась тюрьма. Мать Мирэллы работала по совместительству в двух местах и проводила дома очень мало времени. Рано по утрам, в зимнее

время задолго до рассвета, мать Мирэллы и Сюзанны вставала, поспав несколько часов, заливала молоком хлопья для дочерей, причесывала их, сонно попивая кофе, и отвозила на машине в школу. Чмокала дочек на прощанье перед десятичасовыми школьными занятиями – раннее прибытие, уроки, продленка. Наконец, они садились в автобус и сходили за полмили от дома.

Страшные полмили. Приходилось идти под эстакадой.

Эстакада пугала Мирэллу, но за все годы, прожитые там с пятилетнего возраста до того, как она в шестнадцать бросила школу и уехала на автобусе в Нью-Йорк, случилось лишь одно по-настоящему жуткое происшествие. Мирэлле было девять, соответственно Сюзанне – одиннадцать, и они слышали выстрелы после того, как школьный автобус отъехал, но не сразу поняли, что это *именно выстрелы*. В тот момент они переглянулись в зимних сумерках, и Сюзанна пожала плечами. «Наверное, глушитель у машины стреляет», – сказала она, и Мирэлла, которая верила всему, что скажет Сюзанна, взяла сестру за руку, и они зашагали вместе. Падал снег. Темная пещера под эстакадой дожидалась их, чтобы проглотить. «Все хорошо, – твердила себе Мирэлла, – все хорошо, все хорошо», – потому что всегда было именно так, но на этот раз все было плохо. Только они зашли в темноту, звук послышался снова, до ужаса оглушительно. Они остановились.

На земле в нескольких ярдах от них лежали двое мужчин.

Один – совершенно неподвижно, другой – в судорогах. В тусклом свете в отдалении она не видела, что именно стряслось с ними. Третий мужчина сидел, мешковато прислонившись к стене. В руке у него болтался пистолет. Четвертый убегал – его шаги отдавались эхом, – но Мирэлла видела его всего одно мгновение: он бежал на дальнем конце эстакады и скрылся из виду.

Они все – Мирэлла, Сюзанна, человек с пистолетом, двое мертвых или умирающих на земле – надолго застыли на зимней картинке. Сколько времени прошло? Казалось, целая вечность. Часы, дни. Человек с пистолетом выглядел сонным, заторможенным; он клюнул носом раз или два. Затем примчалась полиция, залив его светом красно-синих мигалок, которые, кажется, его разбудили. Он смотрел на пистолет в руке, словно не понимая, как он оказался у него, затем повернул голову и в упор взглянул на девочек.

– Мирэлла, – сказал он.

Затем поднялся шум-гам, неразбериха, стоя в черной униформе. – «Бросай оружие! Бросай оружие!» – Хотя все происходило наяву и ее, и Сюзанну действительно опрашивала полиция, а на следующий день в газете появилась статья («Двое застрелены под эстакадой. Подозреваемый взят под стражу»), впоследствии ей было нетрудно убедить себя, что ей только померещилось, будто он назвал ее по имени. Откуда он мог знать, как ее зовут? Сюзанна ничего такого не помнила.

Но спустя многие годы, ведя иной образ жизни, сидя на заднем сиденье такси до Манхэттена, в безопасности, она была уверена – человека в туннеле звали Гаспери Робертс, и от этого она не могла отмахнуться.

Только она закрыла глаза, пытаясь сбросить напряжение, как в руке завибрировал телефон. Пришло сообщение от ее девушки: «Идешь на вечеринку к Джесс?»

Понадобилась минута, чтобы вспомнить. Она ответила: «Уже в пути», – и помахала рукой перед зеркалом заднего вида, чтобы привлечь внимание таксиста.

– Прошу прощения.

– Мадам? – сказал он, немного настороже, ведь она только что плакала.

– Могу я попросить вас изменить маршрут? Мне нужно в Сохо.

3

Ей пришлось пробираться через всю вечеринку прежде, чем она нашла Луизу, кутившую на узенькой террасе на крыше. Она поцеловала ее и неуклюже пристроилась рядом на каменной скамейке.

– Как поживаешь? – спросила Луиза. Они жили отдельно, но проводили вместе много времени.

– Очень даже неплохо, – сказала Мирэлла, потому что ей не хотелось об этом говорить. Солгать Луизе было так легко,

что это вызывало тревогу. Она знала, что сравнивать людей несправедливо, кто этого не знает, но сложность заключалась в том, что в данный момент Луиза интересовала ее неизмеримо меньше, чем Винсент. Луиза обладала свойством какой-то незапятнанности, будто она была защищена от острых углов жизни, но сейчас это казалось менее привлекательным, чем раньше. – Я немного устала, – сказала Мирэлла. – Плохо спала.

– Почему?

– Не знаю. Просто ночь выдалась беспокойная.

Еще одна неловкость: вечеринку задавала Джесс, и она приходилась подругой Мирэлле, а не Луизе. В прежней далекой жизни Мирэллы, в которой все было по-другому, Мирэлла приходила на террасу с Фейсалом. Теперь, как и тогда, помещение было украшено китайскими фонариками и пальмами в кадках, но ей все равно было не по себе. То тут, то там возникали опасные места, грозившие окунуть ее в воспоминания о былой жизни – так приходится расплачиваться за то, что у тебя еще сохранились друзья со времен Фейсала – и эта терраса не исключение. Другой вечер, другая вечеринка – четырнадцать лет назад? Тринадцать? – они с Винсент стояли здесь, немного навеселе, уставившись на узкую полоску темного неба, потому что Винсент клялась, что может найти Полярную звезду.

– Она прямо здесь, – твердила Винсент. – Следи за моим пальцем. Она не такая яркая.

– Это спутник, – возразила Мирэлла.

– Где спутник? – спросил Фейсал, выйдя на балкон. Они пришли порознь, и Мирэлла видела его впервые за весь день. Она поцеловала его и заметила, как Винсент стрельнула глазами в их сторону, прервав созерцание ночного неба. Разница между Мирэлой и Винсент заключалась в том, что Мирэлла по-настоящему любила своего мужа.

– Вон, – сказала Мирэлла, тыча пальцем. – Двигается, правда?

Фейсал прищурился.

– Придется поверить тебе на слово, – сказал он. – Пожалуй, мне нужны новые очки. – Он обвел глазами тесное помещение, обнимая ее за талию. – Ух ты, – сказал он, – какая отменная получится западня для богемы в случае пожара.

В самом деле. Здания поднимались со всех сторон. Три стены принадлежали другим зданиям, а в четвертой была дверь, которая вела к вечеринке. Спустя столько лет, сидя здесь с Луизой, Мириэлла мгновенно закрыла глаза, чтобы не видеть, как Фейсал любит небо.

– Как ты провела день? – спросила Луиза.

Когда-то Мирэлле нравились вопросы Луизы – какое впечатление, думала она, что есть равнодушные люди, которым по-настоящему интересно, чем ты занималась весь день, кому не лень спрашивать – но сегодня вечером это показалось вторжением в личную жизнь.

– Гуляла. Стирала. Торчала в «Инстаграме» по большей

части. – Гаспери Робертс не мог оказаться тем мужчиной под эстакадой, думала она, ведь прошли десятки лет, а он не постарел.

– Ты довольна?

– Конечно, нет, – сказала Мирэлла чуть резче, чем хотелось, и Луиза бросила на нее удивленный взгляд.

– Нам надо бы уехать куда-нибудь, – предложила Луиза. – Может, снимем домик, сбежим из города на пару дней.

– Неплохая мысль. – Но Мирэлле изумило, что от этого предложения ее захлестнула волна неудовольствия. Она осознала, что ей очень не хотелось жить в одном домике с Луизой.

– Но сперва, – сказала Луиза, – мне нужно еще выпить. – Она вошла в помещение, и Мирэлла ненадолго осталась одна, затем подошла некая женщина попросить огоньку и взамен предложила Мирэлле предсказать ее будущее.

Как было велено, Мирэлла вытянула руки ладонями вверх, чувствуя неловкость от того, что они дрожат. Как она могла так внезапно, начисто разлюбить Луизу? Как мог человек из туннеля в Огайо всплыть спустя столько лет в Нью-Йорке? Как могла умереть Винсент? Гадалка положила руки поверх ладоней Мирэллы, почти касаясь их, и закрыла глаза. Мирэлле понравилось украдкой наблюдать за ней. Гадалка оказалась старше, чем поначалу подумала Мирэлла. Ей было за тридцать. На лице проступали первые морщинки. Она носила сложную комбинацию шарфов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.